

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Столичный хронотоп в контексте современного литературного процесса

И. Д. Лукашёнков

В статье анализируются основные способы бытования столичного хронотопа в художественном пространстве российско-го романа-антиутопии начала XXI в. Автора интересуют основные черты столичного хронотопа и темы, презентующие его в произведениях современных русских писателей-антиутопистов, а также положение столичного хронотопа в контексте современной российской действительности, отображенной в романах-антиутопиях начала XXI в.

Ключевые слова: романы-антиутопии, столичный хронотоп, монада, постмодернистский текст, историческая полифония, футуристический образ, ритуал, дискретность, провинциальный хронотоп, абсурдистские мотивы, экспериментальная площадка для поиска новых социокультурных смыслов.

Capital Time-Space in the Context of Contemporary Literary Process

I. D. Lukashyonok

In this article we analyze the basic ways of existence of time-space capital of Russian art space dystopian novel-beginning of the XXI century. We are interested in the basic features of time-space capital and the theme, presenting it in the works by contemporary Russian writers of dystopia-novels, as well as the position of time-space capital in the context of modern Russian reality, resulting in a novel, dystopia beginning of the XXI century.

Key words: novel-dystopia, the capital-space, monad, postmodern text, history polyphony, a futuristic image, ritual, discretion, provincial-space, absurdist motifs, an experimental platform to search new social and cultural meanings.

Объектом исследования мы видим образ столичного хронотопа (социальный, историко-культурный, метафизический), раскрытый в художественном пространстве современных романов-антиутопий.

Разговор о феномене столичного хронотопа необходимо начать с терминологической верификации. Вообще, *хронотоп* есть понятие универсальное [6, с. 11], включающее не только пространственно-временные характеристики, локализованные тем или иным историческим периодом, но и ряд других объективно постигаемых и вполне субъективных элементов действительности: людей с их поведением, интеллектуальные и художественные течения, стереотипы времени, социокультурные установки, моду и т. д. Хронотоп является процессуальной, относительно локализованной системой. Более того, можно говорить о том, что хронотоп как историческое целое подобен монаде, содержащей в себе многообразие микроструктур («подхронотопов»). Столичный хронотоп и есть такая внутренняя монада, способная к изменениям в соответствии с изменениями целого.

Определим основные темы, презентующие столичный хронотоп, исходя из анализа следующих романов-антиутопий: «2008», «ЖД», «Маскавская Мекка», «Санькя», «Сахарный Кремль», «День опричника».

Для начала обозначим эти темы:

1. Кремль как «предмет культа».

2. Столкновение реальностей в пространстве постмодернистского текста. Исторический, актуально-бытовой и футуристический образы российской столицы.

3. Ментальные характеристики бытования столичного хронотопа.

Одной из характерных черт массовой культуры является фетишизация известных/популярных объектов действительности: желание обладать если не подлинником предмета, то хотя бы копией такового. В романе беллетриста В. Сорокина «Сахарный Кремль», составляющем вместе с романом «День опричника» квазиисторическую дилогию, этот социальный невроз является главным сюжетобразующим принципом.

Кремль здесь не только «оплот верховной власти», не только историко-культурный памятник, но и объект поклонения, своеобразное «органистическое тело» [4, с. 150], участвующее в обряде инициации. Торжественное созерцание Кремля москвичами вызывает у последних состояние экстаза, меняет сознание, и вот уже «тысячи миллионы Кремлей белых в глазах правильных людей которые умеют правильно славить и все делать правильно и хорошо и умеют прилежно смотреть на белый Кремль ...» [10].

Кремль размножен и распространен среди населения. Его сахарная копия – фрагмент «органистического тела», дарующий обывателю ощущение причастности к сакруму власти, к национальной святыне и т. д. Поедание сахарного прототипа Кремля, сравнимое с обрядом причащения

«телу Христову», помимо сакральной, выполняет также консолидирующую функцию. В обряде участвует все народонаселение России, и даже доярка Саша с шофером Ваней из деревни Хлюпино присоединяются к общественной тенденции, съез за чаем сахарную Кутафью башню.

В. Сорокин на страницах упомянутой выше диалогии являет миру средневековую маску тоталитарного режима. Россия у него «возрождается» через реанимацию государственной модели начала XVI в. На первом плане (роман «День опричника») эффективная/эффектная работа института публичных казней. Опричник Андрей Комяга едет по столичным улицам на «Мерседесе» с пристегнутой к бамперу песьей головой и вспоминает, как казначея Боброва «с пятью приспешниками в клетке железной по Москве возили, потом секли батогами и обезглавили на Лобном месте» [9].

Постмодернистская природа произведений В. Сорокина позволяет автору «сталкивать» совершенно разные исторические цитаты. В «Дне опричника» «...перед старым зданием Университета на Манежной площади секут интеллигенцию, диссиденты вещают по “голосам” из-за границы...» [12]. Эклектичность изображаемой автором реальности чревата абсурдом. Опричник Комяга из утренних новостей узнает, что «татары строят к Юбилею Государя умный дворец, мозгляки из Лекарской академии завершают работы над геном старения <...> в январе в Свято-Петрограде на Сенной пороть не будут, рубль к юаню укрепился еще на полкопейки» [9]. Фрагменты реалий XVI, XVIII, XX и начала XXI века, простирающиеся одна через другую, создают ощущение исторической полифонии, презентуя столицу как вечный город. С другой стороны, возникает ощущение дискретности, исторической и культурной дезориентированности столичного хронотопа.

Помимо вполне традиционной для столичного хронотопа функции (места средоточения центральных органов власти), антиутописты акцентируют внимание и на ряде других, в первую очередь социальных и ментальных, характеристик рассматриваемого нами явления.

В том же «Дне опричника» актуализируется конформизм москвичей, которые добровольно «сожгли на Красной площади свои загранпаспорта, <...> питаются исключительно репой и квасом, вместо заимствованных слов употребляют псевдорусские жаргонизмы <...> и демонстрируют восторг от возвращения к “исконной” – точнее, стилизованно-средневековой – идентичности» [12]. В крайне резких формах проявляется национализм, перерастая в открытую межнациональную конфронтацию между обедневшим

«коренным населением Москвы» и контролирующими рынок представителями «мусульманской диаспоры», как происходит в «Маскавской Мекке» А. Волоса. Таким образом, проблема взаимоотношения с Другим становится проблемой поиска национальной идентичности в мегаполисе, пожинаящем плоды «Великого Слияния» [3, с. 134].

Дать целостное представление о способах бытования столичного хронотопа в художественном пространстве романов-антиутопий нельзя, на наш взгляд, без отражения последнего в зеркале хронотопа провинциального.

Современные романы-антиутопии предлагают, как мы выяснили, три основных сценария взаимоотношений между столичным и провинциальным хронотопами.

Во-первых, они отмечают историческое доминирование (духовное и материальное) провинции по отношению к столице. Экспансивная социальная и экономическая политика Москвы на территории РФ в начале XXI века становится предметом рефлексии в поэме Дмитрия Быкова «ЖД». Под художественными масками «хазар» и «варягов» скрываются, как можно предположить, реальные внутривластные группировки, развернувшие борьбу за «передел» национальной собственности. Россия пребывает в состоянии неизбывной «тлеющей» войны, она «давно уже распалась на крошечный, все сжимающийся центр и обильные отдаленные колонии» [1, с. 221]. Крошечный центр – это, конечно же, Москва и Московская область, колонии – прочие регионы страны.

Образ «столицы-колонизатора» возникает и в романе В. Сорокина «День опричника». Реанимированный автором исторический контекст эпохи правления Ивана IV позволяет сравнить современную Москву с государством Московией конца XV – начала XVI в. Целью обоих, в конечном счете, является присоединение (или новое освоение) сопредельных территорий.

Жители деревни Дегунино – символического образа провинциальной России – в поэме «ЖД» деперсонализированы. Они являют собой пассивное, с полукрепостной моделью поведения, матриархальное сообщество. Сменяющие друг друга отряды «варягов» и «хазар» не встречают со стороны этого сообщества никакого сопротивления: пользуются жилищами, продуктами питания, дегуниными женщинами, прячущими своих мужей в лесу. Разоренное очередным набегом хозяйство дегунинов мгновенно восстанавливается. Их сказочная «яблонька» перманентно плодоносит, а «печенька» без перерыва выпекает хлеба, что, по-видимому, символизирует неиссякаемый потенциал русской земли.

Во-вторых, некоторые антиутопии (например, «Маскавская Мекка» Андрея Волоса) формируют представление о провинции как о месте абсурдного служения утопическому идеалу. Конфликт «столица – провинция» выражен А. Волосом посредством параллельного повествования о предреволюционных событиях в городе Маскав и поселке Голопольск. Маскав – футуристический проект столицы России. Голопольск – абсурдный прототип районного центра времен позднего СССР, борющийся за «гуманистические» принципы социального устройства. Оба хронотопа, сосуществуя в одних исторических координатах, имеют друг о друге весьма условное представление. «События в Маскаве... Какая-то “Маскавская Мекка”, Рабад-центр... что за слова? Что за ужасная жизнь там!» – недоумевает первый секретарь голопольского райкома Александра Васильевна Твердунина [3, с. 347].

Утопическая суть Голопольска до известной степени напоминает город «окончательного коммунизма» Чевенгур из одноименного романа А. Платонова. Семантические параллели возникают уже на уровне топической верификации этих населенных пунктов: открытый сигнификат «голое поле» соответствует «степной» географии Чевенгура. И в Голопольске, и в Чевенгуре отсутствует какая-либо перспектива развития. Интенции руководства, в большинстве случаев, носят бессознательный характер, а жизнь населения подчинена стихийному сценарию. Чевенгурцы (равно как и голопольцы) «часто не знали, что им думать дальше, и они сидели в ожидании, а жизнь в них шла самотеком» [7].

Абсурдный ритуал погребения в мавзолее гипсового памятника вождю Виталину, инициированный голопольской администрацией, рифмуется с не менее абсурдным трудом чевенгурцев: «На самой околице <... > человек двадцать тихо передвигали деревянный дом, а два всадника с радостью наблюдали работу» [7].

Главный же абсурдистский мотив, определяющий бытование этих по сути родственных хронотопов – мотив ожидания. Население Чевенгура – прообраза коммунистического Иерусалима – все-таки готовится ко Второму Пришествию Христа. Голопольские «гуманисты», вдохновленные сообщениями о событиях в Маскаве, пребывают в праздничном ожидании революции. В обоих случаях эсхатологический сценарий развития событий воспринимается как нечто вполне действительное, ожидаемое в ближайшей исторической перспективе.

Мусульмано-христиано-буддистский Маскав выражает идею российского мегаполиса эпохи глобализма. Его судьба схожа с судьбой библейского Вавилона, погубленного алчной гордыней

населявших его людей. Роль Вавилонской башни в Маскаве играет Рабад-центр – и торгово-развлекательный комплекс, и резиденция «хозяина» города Цезаря Топорукова, и образчик мультикультурной архитектуры начала XXI в. В отличие от Вавилона, наказанного божьей карой, Маскав становится жертвой националистских распрей, обусловленных социально-экономическим неравенством населения. Таким образом, карнавално-патриотическое участие голопольцев в «домашней революции» Маскава добавляет к портрету провинциального хронотопа еще одну абсурдную черту.

В-третьих, антиутопии рассматривают провинциальный хронотоп как альтернативное бытие, как место спасения от социальных, политических, техногенных и иных катастроф, коими чревато «столичное» бытование. Репрезентативными в этом отношении являются романы «Атипичная пневмония» Алексея Фомина, «Санька» Захара Прилепина, «Маскавская Мекка» Андрея Волоса, «Эвакуатор» Дмитрия Быкова и прочие упомянутые произведения.

Герои «Атипичной пневмонии» (семья автомеханика Колосова) мыслят спастись от эпидемии, парализовавшей жизнь в столице, на волжском острове у влиятельного друга, где узкий круг опальных олигархов проводит политическую ревизию двух предыдущих столетий и приходит к идее необходимости очередной русской революции. Остров в этом романе – не только спасительная периферия от угрозы физической смерти, но и пространство духовного перерождения, инспирированного гением места. М. И. Шадурский в исследовании литературных утопий «от Мора до Хаксли» замечает, что «географическая удаленность и физическая обособленность острова способствуют максимальной алгоритмизации мироустройства, манифестации космического порядка в обобщенном виде» [13, с. 28].

Своеобразная форма «островного мотива» наличествует и в романе-антиутопии «Эвакуатор». Остров здесь – целая планета, куда эвакуируется группа случайно отобранных людей в надежде создать «дивный новый мир», избавленный от худших земных предрассудков. Платонический замысел терпит предсказуемое крушение, ибо зло не является чем-то *преходящим* – оно имманентно самой человеческой природе. Другим вариантом социального и духовного убежища в контексте рассматриваемых нами произведений является сельская местность (деревня), где, по мнению ряда исследователей (Т. С. Злотникова, Д. С. Лихачёв), все еще хранятся «здоровые традиции русского народа».

Интеллигентная семья Найдёновых («Маскавская Мекка») уезжает от народного восстания,

вспыхнувшего на территории Маскава, в далекий Краснореченск, о котором знает, со слов некоего дяди Фёдора, «что живут себе люди... трудятся. Детей растят! <... > Отгородились от нас и живут себе по-прежнему» [3, с. 45]. Провинция для Найдёновых начинается с вокзала: «Девятнадцатый путь был расположен далеко на отшибе – дальше уже высилась бетонная ограда, за которой в рассветном сумраке громоздились корпуса каких-то заводов, а за ними – небоскребы Марьиной роши» [3, с. 398].

Социальная напряженность и материальная дороговизна жизни в столице противопоставлена А. Волосом нравственной простоте и дешевизне провинциального обихода, что выражается в речи проводника состава: «Мы-то? Мы-то с Голопольска... слышали? Рядышком. Ту тако – ну, если примерно сказать, – Краснореченск, значит... а тамотко вот, – он неопределенно махнул рукой, – тамотко, значит, Голопольск <... > Ладно, сейчас чай закипачу. Будете чай-то? А что? Дело хорошее. Вкусный чай, из душицы...» [3, с. 405].

Коренные провинциалы порой и сами утверждают «спасительную миссию» родного им хронотопа. «Я все жду, когда вы все побежите в деревню, всем народом городским: близится срок-то. Не горит там ничего пока, в городе? Скоро загорится», – говорит главному герою романа «Санька» его дед [8, с. 319]. Для действующих персонажей поэмы «ЖД» исход из столицы в провинцию сопряжен с извечно русским поиском смысла жизни, духовного спасения, невозможного в «каторгой купленном», по словам Б. Пастернака, городском «уют»: «Герои же в самом конце книги входят в деревню Жадруново (символ глубинного, скрытого, “исконно русского” в романе), “где их ждало неизвестно что”» [12].

Таким образом, аналитический обзор ряда произведений, исполненных в жанре антиутопии и затрагивающих проблему бытования столичного хронотопа, выявил историко-культурную дискретность и социальную неоднородность внутри рассматриваемого явления, что характеризует последнее, с одной стороны, как область безвременья, духовной флуктуации, хаоса переходного (рубежного) периода, а с другой – как экспериментальную площадку для поиска новых социокультурных смыслов. Взаимоотношения столичного и провинциального хронотопов в художественном пространстве современных романов-антиутопий указывают на своеобразие и разнообразие авторских позиций в русле означенной проблемы, что, безусловно, знаменует начало нового этапа в формировании представлений о ней в историко-культурных реалиях начала XXI в.

Библиографический список

1. Быков, Д. ЖД [Текст] / Д. Быков. – М., 2006.
2. Быков, Д. Эвакуатор [Электронный ресурс] / Д. Быков. – Режим доступа : http://books.sh/blib_111410.html, свободный.
3. Волос, А. Маскавская Мекка [Текст] / А. Волос. – М., 2003.
4. Грейвз, Р. Мифы Древней Греции [Текст] / Р. Грейвз. – М., 1992.
5. Лётина, Н. Российский хронотоп в культурном опыте рубежей (XVIII–XX вв.) [Текст] / Н. Лётина. – Ярославль, 2009.
6. Платонов, А. Чевенгур [Электронный ресурс] / А. Платонов. – Режим доступа : <http://lib.rus.ec/b/43129>, свободный.
7. Прилепин, З. Санька [Текст] / З. Прилепин. – М., 2006.
8. Сорокин, В. День опричника [Электронный ресурс] / В. Сорокин. – Режим доступа : http://lib.aldebaran.ru/author/sorokin_vladimir/sorokin_vladimir_den_oprichnika/, свободный.
9. Сорокин, В. Сахарный Кремль [Электронный ресурс] / В. Сорокин. – Режим доступа : <http://lib.rus.ec/b/125285>, свободный.
10. Фомин А. Атипичная пневмония [Электронный ресурс] / А. Фомин. – Режим доступа : http://lib.aldebaran.ru/author/fomin_aleksei/fomin_aleksei_atipichnaya_pnevmoniya/, свободный.
11. Чанцев, А. Фабрика антиутопий: дистопический дискурс в русской литературе середины 2000-х / А. Чанцев // Литературный журнал. – 2007. – № 86. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/86/cha16.html>, свободный.
12. Шадурский, М. И. Литературная утопия от Мора до Хаксли: проблема жанровой поэтики и семиосферы. Обретение острова [Текст] / М. И. Шадурский. – М., 2007.